

Дмитрий Аверкиев

**Русский театр в Петербурге.
Первые три недели сезона**

Дмитрий Васильевич Аверкиев

Русский театр в Петербурге. Первые три недели сезона

«Сезонъ открылся комедіей г. Осторогскаго «Липочка», напечатанной еще въ 1861 г. во «Времени». Эта комедія является на сцену только черезъ *три* года послѣ появленія ея въ печати? Можетъ быть самъ авторъ виноватъ? Не знаемъ. Но нельзя не замѣтить, что такія *странности* повторяются отъ времени до времени. И всегда это случается или съ комедіями Островскаго («Доходное Мѣсто», «Воспитанница», «Свои люди сочтемся»), или съ вещами, хоть сколько нибудь выдающимися изъ обычной колеи нашего репертуара.

Между тѣмъ *иногда* очень важно, чтобы пѣса была поставлена во—время, особенно если она не произведение чисто-художественное, а бьѣтъ на вопросъ дня. Такихъ пѣсѣ избѣгать не слѣдуетъ, особенно если онѣ отдѣланы опрятно, хотя бы вопросъ и ставился въ нихъ слишкомъ наголо (какъ напр. въ Липочкѣ); на безрыбьи и ракъ рыба. Но этого нѣтъ. И потому, многія пѣсы теряютъ при несвоевременной постановкѣ; изъ модныхъ они становятся просто скучными...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

Содержание

I. Открытіе сезона. Липочка, комедія г. Острогорскаго.....	0005
II. Бѣдная Невѣста Островскаго.....	0010
III. Шумскій въ Петербургѣ.....	0026
IV. новость русской оперы.....	0041

**Дмитрий Васильевич
Аверкиев
Русскій театръ въ
Петербурѣ. Первые три
недѣли сезона**

I. Открытіе сезона. Липочка, комедія г. Острогорскаго.

Сезонъ открылся комедіей г. Острогорскаго «Липочка», напечатанной еще въ 1861 г. во «Времени». Эта комедія является на сцену только черезъ *три* года послѣ появленія ея въ печати? Можетъ быть самъ авторъ виновать? Не знаемъ. Но нельзя не замѣтить, что такія *странности* повторяются отъ времени до времени. И всегда это случается или съ комедіями Островскаго («Доходное Мѣсто», «Воспитанница», «Свои люди сочтемся»), или съ вещами, хоть сколько нибудь выдающимися изъ обычной колеи нашего репертуара.

Между тѣмъ *иногда* очень важно, чтобы піеса была поставлена вò—время, особенно если она не произведеніе чисто-художественное, а бьѣтъ на вопросъ дня. Такихъ піесъ избѣгать не слѣдуетъ, особенно если онѣ отдѣланы опрятно, хотя бы вопросъ и ставился въ нихъ слишкомъ наголо (какъ напр. въ Липочкѣ); на безрыбьи и ракъ рыба. Но этого нѣтъ. И потому, многія піесы теряютъ при

несвоевременной постановкѣ; изъ модныхъ они становятся просто скучными.

Это тѣмъ несправедливѣе, что издѣлія гг. Погосскихъ, Дьяченокъ, и прочей братіи не успѣютъ такъ сказать высохнуть, – глядь ужъ и на сценѣ явились. Въ нынѣшнемъ году, по отношенію къ нимъ, мы замѣтили прелюбопытное явленіе. Чуть воскресенье, или праздникъ, когда слѣдовательно есть расчотъ, что въ театрѣ, что ни давай, будетъ много всякаго народа, много гулящей публики, – глядь, – на афишѣ красуется какое нибудь изъ подобныхъ произведеній. Преостроумно, право! И волки сыты, и «видимости спасены», какъ говорятъ французы.

О *Липочкѣ* собственно, – распространяться нечего. Г. Васильевъ 2-й изъ роли пьяницы-чиновника съ благороднымъ сердцемъ, сдѣлалъ все, что было можно. Онъ оживилъ это лицо и даже придалъ ему типичность. Роль Липочки исполняла Г-жа Нейманъ. Говорятъ, что мы къ ней несправедливы, что она играла, по крайней мѣрѣ эту роль, просто и даже показала «ту искру огня, который зовется талантомъ». Должно быть, искра эта весь-

ма не велика. И добро бы это повѣдала С. – Петербургская Нѣмецкая Газета, фельетонистъ которой столь легкомысленъ, что Осторогорскаго съ Островскимъ смѣшалъ, – а то напечатано это въ русской серьезной газетѣ. «Г-жа Нейманъ держала себя просто.» Что за особенное достоинство эта простота? Добро бы она врожденная была, а то эта простота есть по нашему мнѣнію просто новый родъ рутинны. Да, ко всевозможнымъ рутинамъ, теперь прибавился новый: простота à la Г-жа Снѣткова 3-я. Это была актриса не безъ таланта, хотя мы рѣшительно не понимаемъ тѣхъ голубино-нѣжныхъ воркованій, которыми до сихъ поръ еще угощаютъ нѣкоторые фельетонисты своихъ читателей, по случаю оставленія Г-жой Снѣтковой сцены. Мы сказали что она была актриса не безъ таланта; разъ въ жизни онъ сколько нибудь проявился при исполненіи ею роли «Катерины» въ «Грозѣ». На сколько ей удалась эта роль, – говорить здѣсь не мѣсто, но дѣло въ томъ, что разъ выучившись *тону*, Г-жа Снѣткова уже не могла избавиться отъ него и всѣ роли пѣла на *этомъ* тонѣ. Многіе и многія подумали, что

вся суть именно въ томъ тонѣ; пріобрѣсти себѣ тонъ и манеры Г-жи Снѣтковой и ладно будетъ и будешь имѣть ты успѣхъ. Къ числу этихъ многихъ принадлежитъ и Г-жа Нейманъ. Въ *Липочкѣ* она старалась и ходитъ, и глазами поводитъ, и руки на груди складывать, и томно голову на бокъ держать, какъ это дѣлывала Г-жа Снѣткова 3-я. Въ этомъ, должно быть, и заключается та «искра того огня, который называется талантомъ». По нашему этотъ огонь называется рутинной. Впрочемъ, толковать объ этомъ много нечего; благо Г-жа Нейманъ не кричала и не ломалась? Такая скромность похвальна, но она не можетъ назваться скромностью таланта. Пусть себѣ Г-жа Нейманъ изображаетъ *Липочекъ*; надо же отдыхъ давать актрисамъ талантливымъ; — но пусть она откажется отъ того, что ей очевидно не подъ силу, особенно отъ роли Катерины въ *Грозѣ*[1].

Липочка прошла вообще довольно сносно, благодаря игрѣ (о г. Васильевѣ 2-мъ мы уже упоминали) Г-жи Линской и Г-на Зуброва. Г. Горбуновъ изображалъ лакея и не смотря на всѣ усилія ничего сдѣлать изъ роли не мо-

гъ, потому что изъ ничего-ничего и не выйдеть. Роли этой ему играть не слѣдовало, тѣмъ болѣе, что есть роли, которыя играть ему слѣдуетъ, а онъ въ нихъ не появляется.

II. Бѣдная Невѣста Островскаго.

Возобновленіемъ *Бѣдной Невѣсты* мы обязаны Г-жѣ Брошель; кромѣ нея, роль Марьи Андреевны играть некому, т. е. *рѣшительно* некому. Это говорится на тотъ случай, чтобы не вздумали завести чередовокъ; чтобы не отдали – избави Боже! – этой роли наприм. Г-жѣ Нейманъ, для показанія той искры огня и т. д.

Личность самой бѣдной невѣсты, по справедливому замѣчанію Ап. Ал. Григорьева, есть только *задача* глубокаго женскаго характера, а потому актрисѣ исполняющей эту роль предстоитъ великое дѣло: восполнить эту задачу, оживить ее, одѣть плотью и кровью. Есть надъ чѣмъ потрудиться! Въ то же время, малѣйшій пересоль, нерасчетливость въ веденіи роли, – погубятъ ее. Одна невыдержанность тона, несвоевременный порывъ чувства – и все дѣло пропало. Сыграй напр. актриса сцену 2-го акта, въ саду съ Милашинымъ, слишкомъ патетически – трудно ей бу-

детъ идти crescendo до четвертаго акта, не говоримъ уже о томъ, что слишкомъ рѣзкое выраженіе страсти повредитъ глубинѣ изображаемаго характера.

Такія трудности предстояло побѣдить Г-жѣ Брошель. Не забудемъ еще, что это была первая большая роль, доставшаяся на долю этой даровитой артистки. И Г-жу Брошель можно поздравить съ побѣдой. По первымъ двумъ актамъ мы боялись за Г-жу Брошель и только въ четвертомъ убѣдились, что играя ихъ необыкновенно сдержанно, она доказала несомнѣнное художественное чутье. Въ первыхъ двухъ она была слаба и по другимъ причинамъ, которыя мы объяснимъ ниже. Но за то четвертый актъ былъ истиннымъ торжествомъ Г-жи Брошель. Эта постепенность веденія роли, это горе, которое становится все горше, все безутѣшнѣй, этотъ надорванный голосъ — объ этомъ можно говорить съ серьезной похвалой! Да, большой талантъ обнаружился въ этомъ четвертомъ дѣйстви. Та «умѣренность», которую рекомендуетъ принцъ Гамлетъ актеру, и «которую, по его словамъ, долженъ *приобрѣсти и рождать*» всякій

актеръ во время осуществленія замысла поэта, которая придаетъ «кротость самому потоку, бурь и такъ сказать урагану страсти», — этой умѣренностью, говоримъ мы, свойственной только большимъ талантамъ, обладаетъ и Г-жа Брошель. О, мы можемъ вообразить себѣ какъ бы играли роль Марьи Андреевны наши заслуженныя артистки въ родѣ Г-жи Ѳедоровой! Знаемъ какими ломаніями и кривляніями сопровождалась бы сцена истерики и игры въ карты. Пусть *безпристрастные* фельетонисты упрекнутъ театральное обозрѣніе «Эпохи» въ новомъ увлеченіи. Что дѣлать... Ужъ несчастіе у насъ такое увлекаться талантами.

Да, истинно прекрасна была Г-жа Брошель въ четвертомъ актѣ. Одинъ голосъ чего стоитъ, этотъ задушевный контральтъ, отъ котораго въ душѣ накипаютъ слезы! Это энергичское и выразительное лицо? Особенной красотой поражаетъ оно въ нѣкоторыхъ сценахъ; живой, сердечной красотой, если такъ можно выразиться!

Талантъ Г-жи Брошель растетъ не по днямъ, а по часамъ. Въ Пушкинской «Русалкѣ»

еще много не доставало ей со стороны чисто внѣшняго исполненія роли; въ «Бѣдной Невѣстѣ» эти недостатки побѣждены. Ни одной рутинной ноты, ни одного заучоннаго движенія. И то сказать, что «Русалка» можетъ быть только *вънцомъ* созданія актрисы опытной, и не подѣ силу – актрисѣ начинающей.

И такъ, Г-жѣ Брошель остается только идти впередъ. Мы не станемъ, подобно нѣкоторымъ, отговариваться, что Г-жа Брошель еще дебютантка; для насъ она актриса серьезная; болѣе, – единственная вполнѣ серьезная женьпремьерка (выражаясь на варварскомъ театральномъ жаргонѣ) и потому мы обращаемся къ ней съ требованіями серьезными. Мы видѣли въ исполненіи роли Марьи Андреевны горячее, неподдѣльное, молодое чувство; мы видѣли умъ, но этого еще мало. «Чего-жъ вы еще хотите?» спросятъ насъ. Мы хотимъ *бездѣлицы*, можетъ быть по вашему, а по нашему главной задачи театральнаго искусства, мы хотимъ живаго лица, типа. «Но Г-жа Брошель еще такъ молода, это со временемъ еще придетъ!» Дай Богъ! Но тѣмъ неменѣе этотъ недостатокъ Г-жи Брошель мы

высказываемъ прямо и конечно это обусловливается нашимъ глубокимъ уваженіемъ къ ея прекрасному дарованію.

Марья Андреевна, какъ мы сказали выше, есть задача глубокаго характера: сильной, умной и высоконравственной женщины. Это выступаетъ особенно въ пятомъ актѣ. Говорятъ этотъ актъ лишній; дѣйствіе оканчивается въ четвертомъ. Но что—бы была Марья Андреевна безъ этого пятаго акта? Какая глубокая задача была положена авторомъ? Вѣдь это была-бы просто обыкновенная дѣвушка, ничего особеннаго въ себѣ не заключающая. Пала-ли она передъ бѣдой, или нѣтъ? Убиты-ли ее нравственныя силы или хотятъ найти себѣ исходъ? Неужели рѣшеніе этихъ вопросовъ лишнее дѣло? Въ томъ то и дѣло, что она не пала, что несчастіе не ослѣпило ее, что оно породило въ ней

*Иныя строгія заботы,
Иныя строгія мечты.*

Изъ дѣвушки доброй и увлекавшейся Меришемъ, (но увлекавшейся потому, что нечѣмъ и не кѣмъ было ей больше увлечься;

потому что молодая, богатая силы просились наружу), она становится женщиной. И эта женщина вносит весь свой пылъ, всю свою страсть въ стремленіе сдѣлать изъ Беневоленскаго человѣка. Она вырастаетъ; ее узнать нельзя; она иначе говоритъ, иначе смотритъ; она полна великости своей задачи. «Не онъ, такъ дѣти», утѣшаетъ она себя сама. И эта женщина, эта полная самоотверженія и любви женщина, не такъ рѣдко встрѣчается въ русской жизни, какъ вы думаете. И вездѣ она встрѣчается, *во всѣхъ классахъ, и ею крѣпка наша русская семья.* Вы улыбаетесь? «Какъ это благородно съ вашей стороны!» отвѣтимъ мы вмѣстѣ съ Марьей Андреевной и вмѣстѣ съ Добротворскимъ утѣшимъ ее тѣмъ «что звѣри лютые – и тѣ укрощаются».

Такъ понимаетъ и такъ исполняетъ эту задачу, помѣченную авторомъ, гениальная русская актриса К. В. Васильева въ Москвѣ. А такъ-ли поняла эту роль Г-жа Брошель? Нѣтъ, у нея пятый актъ вышелъ слабъ, вышелъ лишнимъ. Голосъ Марьи Андреевны долженъ звучать тутъ смѣло и сознательно; уже не слышно въ немъ тѣхъ надорванныхъ нотъ, что въ

четвертомъ актѣ, и горе, охватывающее ее въ концѣ, сильнѣе и глубже прежняго. И предчувствіе этого, возможность этого, должна быть ясна въ исполненіи всей роли.

Вотъ къ чему должна стремиться Г-жа Брошель. «Неумѣренныя требованія!» Пусть неумѣренныя! Думаемъ, что даровитая артистка не посѣтуетъ на насъ за эту неумѣренность.

Попытку на созданіе живого лица мы замѣтили у Г-жи Брошель при исполненіи ею роли Даши въ «Мишурѣ».

Именно въ началѣ, при первомъ появленіи Даши на сцену, но дальше ничего не вышло. А не вышло потому, что изъ ничего — ничего не сдѣлаешь и конечно актриса вездѣ была выше автора. (Да и вообще скучную «Мишуру» актеры гг. Шумскій, Васильевъ 2-й, Зубровъ, Сосницкій, Малышевъ и Г-жи Брошель и Александрова 1-я вынесли, что говорится, на плечахъ).

Что значитъ живое лицо, типъ — Г-жа Брошель можетъ видѣть въ исполненіи Г-жой Линской ролей старой Кабанихи, и Лукерьи Даниловны и Василисы Перегриновны.

Вѣдь этихъ образовъ, созданныхъ высокодаровитой актрисой, во вѣкъ не забудешь. Что касается до исполненія роли Хорьковой, — то исполненіе Г-жи Линской было слабо. Правда, у Островскаго это лицо очерчено не ясно, но Г-жѣ Линской слѣдовало, по нашему, основаться не на одномъ только: что Хорькова «женщина хотя необразованная, но чувства имѣеть деликатныя и можно даже сказать облагороженныя», а на любви къ сыну. «Вѣдь любятъ!» какъ говоритъ самъ Хорьковъ.

Да что далеко ходить, въ той — же Бѣдной Невѣстѣ Г-нъ П. Васильевъ создалъ изъ Милашина *лицо* въ высшей степени комическое и типическое. Это надутое, глупое самодовольное лицо, это неутомонное задорное самолюбіе, ни на чемъ неоснованное, это неумѣстное сованіе носа во все гдѣ его не спрашиваютъ, — неужели это не лицо, не типъ? Вѣдь такіе типы создаютъ только гениальные актеры; вѣдь такъ выдерживаютъ до конца роль только немногіе избранные.

Вспомните его послѣдній монологъ, вспомните, какъ онъ бросалъ «злостные» взгляды на Беневоленскаго! Вѣдь это лицо до того глу-

боко задумано П. В. Васильевымъ, что неволь-но спрашиваешь себя: «кто изъ насъ, хоть разъ въ жизни, не былъ Милашинымъ»? И это игралъ актеръ, который такъ трагически хорошъ въ Львѣ Красновѣ.

А сцена игры въ карты! *Новый* театраль-ный обозрѣватель «Голоса», начало дѣятельности котораго мы отъ души привѣтствуемъ, прекрасно замѣтилъ, что эта сцена обязана успѣхомъ не одной Г-жѣ Брошель, но и г. Васильеву 2-му. Да, эта сцена производитъ впечатлѣніе дуэта хорошо разучоннаго; П. Васильевъ отгѣнялъ необыкновенно искусно игру Г-жи Брошель. Эта «милашинская» грусть, эта ложная печаль (ложная, по возможности основнаго чувства, хотя и дѣйствительно чувства) была передана превосходно. Вотъ что значитъ создавать типы; не-бось, не сбился актеръ; есть у него сердечныя, трагическія ноты; страсть главное основаніе его таланта, и эту – же страсть онъ можетъ заставить служить отрицательно; на-ровнѣ съ глубокопотрясающими нотами, онъ умѣетъ извлекать и глубоко – комическія!

Г-жа Брошель, снова возвращаемся къ ней,

изъ этого примѣра можетъ наглядно понять чего именно мы отъ нея требуемъ. И вотъ что еще: ей необходимо надо по возможности разнообразить свой репертуаръ. Отчего-бы ей не попробовать напр. сыграть роль Полины въ «Доходномъ Мѣстѣ»? Пора, наконецъ, бросить рутинныя дѣленія амплуа; пора раздѣлять роли по внутреннимъ свойствамъ талантовъ, а не по внѣшнимъ ерлыкамъ рутины. Сія рутинна причина той, что роль Полины напр. полагается на долю водевильныхъ канареекъ. Вѣдь не на Лизахъ – же Ѳоминыхъ, не на мишурныхъ Дашахъ, не на роляхъ болотнаго репертуара развиваться молодому, сильному дарованію! Тѣмъ, что будешь участвовать въ «Танѣ» не далеко уйдешь.

Г-нъ Малышевъ исполненіемъ роли Хорькова показалъ, что идетъ впередъ. Роль, скажемъ откровенно, исполнена не удовлетворительно; актеръ былъ ниже роли. Но намъ дорого то, что въ четвертомъ актѣ звучали настоящія ноты, хотя и въ перемежку съ ложными. Нѣкоторое было произнесено вполне прекрасно. Еще болѣе понравился намъ г. Малышевъ въ Мишурѣ, въ роли молодого Зайчи-

кова. Эту роль игралъ онъ вполне просто и высказалъ много неподдѣльнаго чувства.

За то другая *нѣкогда надежда* нашей сцены, г. Нильскій, чѣмъ дальше, тѣмъ становится плоше. И счастье еще, что порой онъ бываетъ не въ ударѣ, играетъ блѣдно, и чувствій своихъ не высказываетъ. А то просто хотъ изъ театра бѣги вонъ. Нѣкоторые находятъ, что г. Нильскій играя дурно роли, подобныя роли «Мерича», возбуждаетъ къ симъ персонажамъ отвращеніе и симъ приноситъ нѣкоторую моральную пользу. Мы не изъ числа такихъ утилитарныхъ моралистовъ. Г-нъ Нильскій изображалъ, конечно, того «миленькаго штатскаго», къ изображенію котораго онъ такъ привыкъ. Но въ такого молодца развѣ старуха Уланбекова влюбиться можетъ, а никакъ не Марья Андреевна.

Г-жа Громова (мать) и Г-жи Волкова и Рамазанова-дѣла не портили и играли вообще весьма удовлетворительно, но за то г. Шемаевъ въ роли Добротворскаго былъ зѣло неудовлетворителенъ, какъ вообще во всѣхъ исполняемыхъ имъ роляхъ. Г-нъ Шемаевъ актеръ по неволѣ; потому что окончилъ курсъ

въ театральномъ училищѣ. Игралъ онъ, конечно, безцвѣтно, — но и этого *довольно*. Какъ довольно? Да такъ. Вообразите, что роль Добротворскаго игралъ-бы г. Бурдинъ, или г. Яблочкинъ, или г. Марковецкій, — Боже, какого трагизма напустили-бы они! Особенно въ концѣ третьяго акта. Увы! наша труппа столь небогата что счастье если роль занимаетъ скромная бездарность.

Роль Беневоленскаго игралъ г. Зубровъ, и во 2-мъ актѣ не безъ успѣха, — но въ пятомъ ясно обнаруживалъ, что роль имъ совершенно необдумана. Г. Зубровъ схватилъ одну внѣшнюю комичность и вышелъ Беневоленскій однимъ изъ подставныхъ жениховъ нашихъ драматурговъ. А на Остроскаго въ этомъ случаѣ пожаловаться нельзя: онъ очертилъ Беневеленскаго съ разныхъ сторонъ. Онъ показалъ, что его любили; онъ показалъ, что Марья Андреевна нѣкоторое вліяніе начинаетъ имѣть на этого «звѣря лютаго»; онъ показалъ, что умомъ добился всего этотъ секретарь, что трудную и тяжелую жизнь велъ и имѣетъ право, по своему, гордиться этимъ. Ни одна изъ этихъ чертъ не

была принята въ соображеніе г. Зубровымъ; даже солидности въ немъ не было; солидности, которая такъ комически разъигрывается въ желаніи поучиться танцовать, чтобы не имѣть никакихъ недостатковъ. Вотъ еще одна изъ причинъ почему пятый актъ показался лишнимъ. Особенно непростительно это такому умному актеру, какъ Г-нъ Зубровъ.

А Дуня, спросите вы? Дуни – увы! – не было. Мы уже не разъ упоминали, что театральное приличіе не дозволяетъ поэтическимъ созданіямъ появляться на сценѣ александринскаго театра. Въ Отелло вычеркивается Бьянка; въ Царской Невѣстѣ портится роль Любаши. Неприлично, согласитесь сами, неприлично. Вѣдь во всѣхъ этихъ личностяхъ есть поэзія, есть жизнь; вѣдь они съ любовью, съ горячей любовью очерчены поэтами. Нѣтъ-съ. Не прилично. Но въ Москвѣ была – же Дуня? То въ Москвѣ; тамъ другое дѣло, то городъ русскій, нецивилизованный, простой. А у насъ образованіе, цивилизація-съ, *парке и сосьете*, какъ говоритъ гоголевская чуйка въ Разъѣздѣ. У насъ за то канканъ въ «Десяти Невѣстахъ», у насъ за то камеліи Г-на Дьячен-

ко, камеліи Г-на С. Соловьева; у насъ за то сцена соблазна въ «Друзьяхъ-Пріятеляхъ». Вотъ наша поэзія, вотъ наши «загулявшія» женщины! И мы довольны. И наша критика довольна. Ну, кто изъ нашихъ театральныхъ обозрѣвателей, кромѣ нашего покорнѣйшаго слуги, обратитъ вниманіе на такую мелочь? Въ газетахъ и не упомянули даже объ этомъ. Да и стоитъ-ли? Вѣдь у насъ *фельетонъ* собственно. Гдѣ намъ театромъ серьезно заниматься? Намъ надо поговорить о скачкахъ, съ восторгомъ рассказать какъ гнѣдой жеребецъ оставилъ за флагомъ сѣрую кобылу; мы съ восхищеніемъ говоримъ о статьяxъ скаковыхъ и рысистыхъ лошадей, и если останется мѣсто въ фельетонѣ, то мы проведемъ черту и напишемъ: Теперь о театрѣ. И начнемъ съ тѣмъ-же жаромъ и одушевленіемъ, какъ о скачкахъ, говорить и о театрѣ.

Да и чего, скажутъ намъ, вы выдумали, что театромъ надо заниматься серьезно, что это дѣло народное? Мы о народномъ театрѣ не прочь потолковать, но въ качествѣ просвѣтителей грубой массы, въ качествѣ *patres conscripti*; въ качествѣ, наконецъ, лю-

дей читавшихъ французскія и всякія другія брошюры.

Въ Петербургѣ театръ развлеченіе, какъ скачки, какъ фейерверкъ. А теперь еще г. Блондентъ, его *аттическія* позы на канатѣ, его значеніе во всемірной исторіи! Мы смотримъ на театръ съ точки зрѣнія петербургскихъ дамъ (дамъ милыхъ и очаровательныхъ, но нѣсколько... Какъ бы это такъ сказать... Ну, однимъ словомъ милыхъ и очаровательныхъ); мы такъ, отъ скуки ходимъ въ театръ. О серьезныхъ требованіяхъ жизни мы мастера поговорить, потому это мода. А о театрѣ серьезное говорить? Избави Боже. Все серьезное, да серьезное, это наконецъ скучно. Но взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ. Выставивъ своею задачею народный, серьезный театръ, — мы должны напоминать объ этомъ; должны бороться противъ театральнаго дилетантизма, противъ легкомысленныхъ отзывовъ о театрѣ. Не пропащее-ли это дѣло?

Ну, кто подумалъ о Дунѣ? Кто заступался за нее? Кому жаль, что эта роль вычеркнута? Что черезъ это теряетъ пятый актъ «Бѣдной Невѣсты»? Кромѣ насъ, объ этомъ пожалѣетъ

развѣ та талантливая актриса, у которой такимъ образомъ отнята одна изъ лучшихъ ролей.

Еще не мало способствовало неуспѣху пятого акта – нетипичность лицъ являвшихся смотрѣть свадьбу (развѣ кромѣ барышень), этого своеобразнаго русскаго хора. Обставить это вовсе не мудреное дѣло; тутъ можно и даже должно выучить исполнителей тону. Это дѣло г. режиссера, но г. Вороновъ, какъ видно, на это не мастеръ. Ну, отчего г. Горбуновъ не является въ пятомъ актѣ, напр. въ роли одного изъ молодцовъ? Вѣдь играетъ онъ лакея въ «Липочкѣ» – роль тамъ ему пустая, нисколько не типическая, и сдѣлать изъ нея онъ ничего не можетъ.

Изъ этого разбора читатель видитъ, что хотя, по видимому, «Бѣдная Невѣста» обставлена хорошо, но въ сущности это случайность, игра отдѣльныхъ актеровъ, а обстановки-то не было. Обстановка важное дѣло.

III. Шумскій въ Петербургъ.

Шумскій въ Петербургъ – и наша критика оживилась; появились подробные разборы его игры; мы стали ходить въ театръ. Наша критика, являющаяся обыкновенно единственно на бенифисы, за матеріалами для фельтона, – посѣщаетъ прилежно театръ. Радуется-ли насъ это оживленіе? Нисколько. Это все искусственное возбужденіе.

Для Шумскаго забывается все. Въ «Голосъ» намеки на г. Самойлова, именно что онъ плохой актеръ. Въ «Сынъ Отечества» – намеки въ другую сторону.

Остановимся на минуту на этомъ. Мы уже упомянули, что въ «Голосъ» – новый театральный обозрѣватель. Это видно по тону. Мы конечно рады, что избавлены отъ чтенія произведеній прежнихъ театральныхъ обозрѣвателей «Голоса».

И такъ, сочувственно встрѣчая дѣятельность *новаго* фельетониста, мы прямо выскажемъ о немъ наше мнѣніе. Съ одной стороны онъ явилъ строгость непомѣрную, съ другой мы боимся, что къ театральной ру-

тинъ онъ будетъ относиться снисходительно, что онъ будетъ напр. сквозь пальцы смотрѣть на бенгалику Г-на Бурдина на томъ основаніи, что «онъ у насъ одинъ». Преслѣдовать надо эту рутину; въѣдается она во все, тормозитъ театральное дѣло. Строгость дѣло хорошее, да не совсѣмъ. Къ чему такъ строго и пренебрежительно смотрѣть на Г-на Самойлова? Ужъ будто онъ и безъ таланта? Будто въ немъ гибель нашей сцены? Что за кавалерскія отношенія! Къ чему въ тоже время не назвать его прямо, по имени, а ограничиться намекомъ? И будто ужъ никто изъ игравшихъ съ Шумскимъ не стоитъ разбора? И П. В. Васильевъ въ роли напр. хотъ Расплюева? Строгость ужасная! Эпитеты «пошлѣйшій» и тому подобные такъ и летятъ [2].

Увы! *вообще* отношенія нашей критики къ театру ужасно внѣшнія. Ну, постаралась – ли критика, на примѣръ, опредѣлить сущность и свойства огромнаго таланта, г. Шумскаго? Ничуть. Все что мы читали ограничивается тѣмъ, что Шумскій *умный* и *талантливый* актеръ. Но къ кому нельзя примѣнить этихъ

эпитетовъ. Почти ко всѣмъ актерамъ выдающимся изъ общей среды. Опредѣляется – ли этимъ не только сущность, но даже объемъ таланта?

Постараемся, по мѣрѣ силъ, опредѣлить свойства таланта г. Шумскаго. Необыкновенная обдуманность, простота и благородство движеній, звучный, обработанный голосъ, тонкая расчетливость въ веденіи роли, вѣрность задуманному типу до конца и нѣкоторая холодность въ исполненіи, которая является иногда неизбѣжно, какъ слѣдствіе расчотливой сдержанности – таковы, по нашему мнѣнію, главныя основы дарованія Шумскаго. Игра Шумскаго никогда не поражаетъ съ перваго взгляда, какъ всякая необыкновенно умная игра; Шумскій постоянно хочетъ постепенно раскрывать роль, развертывать свои силы все больше и больше; въ послѣднемъ актѣ ярче и очевиднѣе представить тѣ черты, которыя намѣчены въ первомъ. Иногда это поразительно: таковъ онъ именно въ Кречинскомъ, лучшей его роли по исполненію. Въ первомъ актѣ, его отношенія къ Лидочкѣ просто любезны; онъ

ей желаетъ нравиться внѣшними приѣмами, внѣшними блестками ума; но въ тоже время видно, что за этимъ кроется что-то болѣе привлекательное для женщины. Во второмъ: онъ въ плохихъ обстоятельствахъ, опустился, но энергія и умъ, нашедшій – себѣ исходъ въ плутовствѣ, несовсѣмъ покинули его. И какъ онъ оживляется въ концѣ! Но при всемъ томъ внѣшніе, условные прѣемы барства не покидаютъ его; онъ не забывается отъ радости; онъ по прежнему холодно вѣжливъ; прежде всего и паче всего – онъ челоуѣкъ высшаго общества; всесовершенный *comme il faut*. Въ третьемъ актѣ Кречинскій является въ полномъ блескѣ; у Лидочки онъ затрогиваетъ самыя нѣжныя струны; змѣемъ – искусителемъ смотритъ онъ, когда спрашиваетъ: «гдѣ бьетъ?» А какая энергія просыпается въ немъ, когда является Нелькинъ. Какъ благородно, въ тоже время какъ прилично онъ негодуетъ! Въ игрѣ Шумскаго становится понятнымъ поступокъ Лидочки и слова: «опять женщина!»

Если роль Кречинскаго замѣчательнѣйшая по исполненію, то для опредѣленія объема Шумскаго таланта очень важна роль Жадова,

которую по мнѣнію нѣкоторыхъ ему вовсе играть не слѣдовало. О Жадовѣ толковали много, но правильнаго взгляда, какъ кажется, еще никто не высказывалъ. Жадова разсматриваютъ какъ попытку Островскаго создать положительный типъ. Задача Островскаго была поглубже: онъ хотѣлъ изобразить слабого человѣка, «сердце котораго размягчено образованіемъ», по его собственнымъ словамъ, въ столкновеніи съ *орлами* стараго чиновничества. Задача жизненная, а не головная, хотя и неудавшаяся автору. Громкія фразы о гражданской доблести, по случаю Жадова раздающіяся еще до сихъ поръ, по нашему, крайне смѣшны и доказываютъ, что Жадовъ меньше фразёръ, чѣмъ тѣ, которые столь яро нападаютъ на него за фразёрство. Что-же слѣдовало сдѣлать актеру? Понять задачу автора и по возможности восполнить ее. Такъ и поступилъ Шумскій. Тѣ, которые хотѣли видѣть въ Жадовѣ фразёра — конечно остались недовольны игрою Шумскаго. У Шумскаго Жадовъ явился именно слабымъ, но мягкосердечнымъ человѣкомъ. Это было ясно вездѣ. Онъ не говорилъ громко, не забрасывалъ

валь словами; скорѣй напротивъ было очевидно, что онъ не можетъ передать того, что чувствуетъ. Онъ мягкій человѣкъ; какой-то необыкновенной кротостью, переходящей въ слабость, дышуть его отношенія къ Полинѣ. Привязанность къ Полинѣ на первомъ планѣ; онъ и Полинѣ совѣтуетъ руководиться влеченіями сердца. Это было основнымъ мотивомъ Жадова-Шумскаго. Оттого онъ не кричалъ въ пятомъ актѣ; заключительная рѣчь его не была грозной филипикой. Оттого онъ такъ глубоко понялъ значеніе третьяго акта. Безъ сомнѣнія, самыя сердечныя ноты, звучавшія когда-либо изъ устъ Шумскаго, звучали именно здѣсь. Какой глубокой смыслъ онъ придалъ этимъ заключительнымъ словамъ; слезами звучали они, эти «Лучина, лучинушка, березовая!» Да, какъ лучинушка не ясно горитъ и не вспыхиваетъ, — такъ не горятъ думы, не вспыхиваетъ энергія у этого слабого человѣка. Кто умѣетъ такъ понимать роль, кто умѣетъ придавать такое глубокое значеніе сценѣ, — про того нельзя сказать, чтобъ ему не слѣдовало играть роли Жадова. Мы понимаемъ почему г. Шумскій игралъ эту

роль дважды. Мы не знали-бы, безъ этой роли, къ какой задушевности способенъ этотъ актеръ! А неужто задушевность малое свойство? Не ее-ли мы должны цѣнить въ актерѣ выше всего?

Высокой и тонкой игрѣ Шумскаго въ Жадовѣ недоставало обстановки. Ну какой орелъ г. Григорьевъ? Какой онъ баринъ въ Вышне-скомъ? Во всемъ сквозитъ его единственно годная спеціальность: играть отставныхъ солдатъ. Роль Юсова, какъ извѣстно, совершенно не въ средствахъ П. Васильева. Онъ играетъ ее потому, что другіе, создавая, будутъ несноснѣе, чѣмъ онъ, плохо исполняя эту роль. А если-бы у насъ былъ актеръ, какъ Садовскій, для подобныхъ типовъ. А еслибы П. Васильевъ игралъ, какъ ему и слѣдуетъ, Досужева! Какъ-бы тогда вышла сцена въ трактирѣ! Но «замѣчательнаго юриста и веселаго челоуѣка» играетъ г. Горбуновъ, и играетъ безцвѣтно, но это еще слава Богу, а то взялся эту роль играть г. Озеровъ. Начиналъ онъ гдѣнибудь вѣроятно, что положеніе Досужева одно изъ трагическихъ и вздумалъ изобразить его трагически, т. е. по-просту пустилъ въ

ходъ трагическое ржаніе. Мало этого, передавая рѣчи московскихъ купчихъ, онъ напираетъ въ выговорѣ на *ó*. Скоро ли это *ó* выведется! Въ отношеніяхъ Жадова-Шумскаго къ Полинѣ также не доставало поддержки со стороны актрисы. Г-жа Подобѣдова 2-я вездѣ одинакова и вездѣ говоритъ заучонымъ тономъ, также какъ и Г-жа Денисова, игравшая Юленьку, и которая очевидно начинаетъ поглощать роли. Является она часто, и вездѣ одинаково плоха и безцвѣтна. Роль Юленьки играла прежде, сошедшая со сцены, Г-жа Спорова; играла, правда, грубовато и рѣзко, но не безъ таланта. Есть актрисы на эту роль поталантливѣе Г-жи Денисовой, напр. Г-жа Стрѣльская. Чтобъ оцѣнить по достоинству Г-жѣ Денисову и Подобѣдову 2, стоитъ походить по любительскимъ спектаклямъ. Тамъ въ водевиляхъ, часто являются воспитанницы — экстерны театральнаго училища. И говорятъ они тѣмъ-же тономъ, какъ двѣ названныя актрисы, и держатъ себя также на сценѣ — что выучка-то значитъ! Органчикъ, чистѣйшій органчикъ!

Но возвратимся къ Шумскому. Выше вы-

ставленная нами характеристика его игры, по нашему, объясняетъ многіе изъ его недостатковъ. Такъ, сдержанность и расчотъ въ веденіи роли нѣсколько повредили третьему акту Ревизора. Шумскій развернулся только въ четвертомъ и тамъ дѣйствительно былъ истиннымъ Хлестаковымъ, милѣйшимъ и пустѣйшимъ малымъ. Одна сцена прощанья чего стоитъ! Сколько увлеченья! Видишь, что Иванъ Александровичъ съ полной увѣренностью прощается съ Анной Андреевной какъ съ маменькой, и съ Марьей Антоновой какъ съ невѣстой. Впечатлѣнію игры Шумскаго въ роли Хлестакова мѣшаетъ еще то обстоятельство, что *печатный* Хлестаковъ во многомъ отличается отъ сценическаго. Дѣло въ томъ, что роль Хлестакова передѣлана Гоголемъ вся цѣликомъ. Особенно, *третій* актъ. Надо бы, конечно, играть по новому изданію, — но это не отъ актеровъ зависитъ. Надо, чтобы комитетъ утвердилъ передѣлку Гоголя. Вѣдь не хотѣли же вставить при первой постановкѣ сцену въ началѣ IV акта, на что жалуется Гоголь. И вотъ черезъ 28 лѣтъ все еще сцена не включена.

Въ роляхъ стариковъ, напр. Кубышкинъ (въ «Старшая и Меньшая») учителя Иванова и Добротворскаго, Шумскій былъ также великолѣпенъ. Но знаете ли что? По нашему, эти роли не суть важнѣйшія роли Шумскаго. Какъ ясно, что ему ихъ играть такъ легко; просто ничего не стоитъ. Не въ эту сторону долженъ развиваться талантъ Шумскаго. Не Добротворскаго слѣдуетъ играть ему, а Мерица. Вотъ роль, надъ которой ему стоитъ поработать; и онъ единственный актеръ въ настоящее время, на обѣихъ столичныхъ сценахъ, который можетъ исполнить эту роль какъ слѣдуетъ. Точно также не Загорѣцкаго слѣдуетъ играть ему въ «Горе отъ ума», а Чацкаго; онъ также единственный возможный въ настоящее время Чацкій. И за Шекспира слѣдовало бы ему приняться. Роль Кента въ Лирѣ, про которую Дружининъ совершенно справедливо замѣтилъ, что хорошій актеръ въ ней убьетъ маломальски слабоватаго Лира — роль Кента, говоримъ мы, стоитъ того, чтобы Шумскій занялся ею. Не говоримъ уже о Бенедиктѣ въ «Много шуму изъ Пустяковъ»; кстати: эта піеса не играется, а прекрасно пе-

реведена Кронебергомъ. А еще жалуются, что нечего играть!

И даже – пусть ужасается рутина! – на роль Ромео нѣтъ лучшаго исполнителя, какъ Шумскій. Тѣ задушевные ноты, которыя звучали въ Жадовѣ, подтверждаютъ наше мнѣніе. Право, Шумскому стоитъ подумать о развитіи своего огромнаго таланта. И жаль, что въ Петербургѣ Шумскій не попробовалъ себя въ какой нибудь новой роли. А то онъ выбралъ для своего бенефиса произведеніе болотнаго репертуара «Таню» – архистрашнѣйшую драму г. С. Соловьева. Неужто нужно было непременно *новую* піэсу, т. е. новую по заглавію? Вѣдь вся она созданіе рутины; вѣдь въ такихъ піесахъ подѣ – стать отличать только г. г. Бурдинымъ, Марковецкимъ и компаніи. И дивнѣ-бы у Шумскаго была здѣсь особенно удавшаяся ему роль, а то нѣтъ; роль безъ сомнѣнія самая удачная изъ всѣхъ игранныхъ г. Шумскимъ; роль, какъ говорится въ футлярѣ; внѣшняя роль. Скучна эта «Таня» до одури; только и есть одна сколько нибудь живая сцена, но сцена чисто водевильная, – какъ благодѣтельная особа застав-

ляетъ своего благодѣтеля согласиться на свадьбу его сына. Сцена водевильная и разыгранна она была г. Шумскимъ и Г-жею Брошель такъ, какъ хорошіе актеры въ водевиляхъ разыгрываютъ сцены. Намъ случилось встрѣтить въ печати мнѣніе, что Г-жа Брошель отъѣнила, въ изображаемой ей благодѣтельной камелии, *русскую, неграмотную камелию*. Удивляемся, какъ это удалось ей отъѣнить несуществующій типъ. Русская камелия, да еще неграмотная! Сколь это трогательно и нѣжно! Вотъ что значитъ, когда нѣтъ пищи ни уму, ни сердцу, поневолѣ приходится сочинять воображенію. Есть у насъ «загулявшія» женщины въ родѣ Дуни, да онѣ неприличны на сценѣ.

Но что, одинъ вечеръ куда ни шло! А то «Таню» играли въ пятницу, играли въ воскресенье; и на слѣдовавшей недѣлѣ назначена она два раза. А «Бѣдную Невѣсту» смотрится заново. Нечего сказать, можно развиться таланту Г-жи Брошель въ подобныхъ роляхъ! А тутъ еще г. М. Р., въ своей розовой заботливости о всѣхъ юныхъ талантахъ, совѣтуютъ осторожно обходиться съ талантомъ Г-

жи Брошель, т. е. по-просту не выпускать ее на сцену. Мало того, репертуаръ почти всей будущей недѣли состоитъ изъ піесъ болотнаго репертуара. Ставятъ какую-то «Разбитую жизнь», драму російскую съ французскаго переложенную, гдѣ вѣроятно, какъ и въ «Танѣ», будутъ барышни умирать самымъ благороднѣйшимъ образомъ, подъ музыку.

Кстати, кончимъ ужъ за упокой. Обстановка многихъ піесъ, гдѣ участвовалъ Шумскій пошла до крайности. Особенно неудачно поставлена въ «Чужомъ пиру похмѣлье». Г. Бурдинъ, въ роли Кита Китыча, ломается до ужаса. Прочіе актеры, какіе-то Башкировы и Сапшуговы, просто невыносимы. Какъ-то странно было видѣть посреди такой обстановки Шумскаго и Г-жу Линскую, и вотъ наша покорнѣйшая просьба: Недавно въ одномъ изъ парижскихъ театровъ ограничено употребленіе кринолиновъ на сценѣ. Нельзя-ли въ pendant къ нему запретить при изображеніи московскихъ купцовъ говорить на ò. Это ò рѣжетъ уши. Гдѣ—же въ Москвѣ говорятъ на о? Кто это выдумалъ! Въ Москвѣ именно на а, а не на о говорятъ. Мало того,

что на о упирають, Г-жа Воронова умудрилась произносить *вòренье, розгòваривать?* «Нехорошо, безобразно».

Съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что молодые актеры вообще стремятся къ простотѣ и правдѣ. Таковы г. г. Душкинъ, Петровскій и Ѳедоровъ. Всѣ они явились въ роляхъ Г-на Бурдина (Бѣлогубова, Большова и Неглигентова) и всѣ они игрой своей доказали, что безъ г. Бурдина обойтись весьма легко. Особенно порядоченъ былъ г. Душкинъ въ роли Бѣлогубова. Неужели нѣтъ между молодыми актерами когонибудь для замѣны Г-на Нильскаго? Какъ, чай, не быть!

Но избавить-ли насъ сіе отъ лицезрѣнія г. всероссійскаго Леметра? Сомнѣваемся. Особенно, если г. Островскій не перестанетъ ставить онаго на равнѣ съ П. В. Васильевымъ. Непростительно было г. Островскому отдать роль Льва Краснова на искаженіе, потому только что Васильевъ заболѣлъ. Непростительно было г. Островскому, одинъ изъ удачнѣйшихъ своихъ типовъ, Кита Китыча, отдавать на ломаніе. Равно, г. Петровскій можетъ замѣнить г. Григорьева во многихъ ро-

ляхъ, хоть Русакова въ «Саняхъ», гдѣ г. Бурдинъ ломаетъ Бородкина, тогда какъ эта роль по всѣмъ правамъ принадлежитъ П. В. Васильеву. А ужъ безъ г. г. Марковецкаго и Яблочкина обойтись весьма легко, потому, что есть таланты, которые могутъ насъ избавить отъ бурдинизма. Потому, что можно пригласить г. г. Виноградова, Браво и другихъ провинціальныхъ актеровъ.

A bon entendeur salut!

IV. новость русской оперы.

Эта новость – возобновление «Руслана» и дебютъ г. Кондратьева въ роли Руслана. Мы просто заявляемъ этотъ фактъ, не вдаваясь въ разборъ. Дебютомъ г. Кондратьевъ показалъ, что у него не только прекрасный голосъ, но что онъ также умный и опытный актеръ. Вообще «Русланъ» обставленъ старательно. Нашлись же пѣвцы и пѣвицы – стоило только поискать. Отчего же не поищутъ драматическихъ талантовъ? Отчего Александрынской театръ, долженствующій быть *народнымъ*, въ такомъ забросѣ? Вѣдь было время когда и русская опера была въ забросѣ. Вѣдь исполняла же партію Гореславы г. Лилеева, – а нашолся свѣжій и звучный голосъ даровитой актрисы Г-жи Михайловской (которой, между прочимъ, не слѣдовало бы пѣть *fortissimo*, тамъ гдѣ это не требуется, напр. «О, мой Ратмиръ!»). Вѣдь вмѣсто Г-жи Булаховой нашлась же Г-жа Платонова, вмѣсто г. Артемовскаго Г-нъ Кондратьевъ. Ищите и найдете.

Конечно, обстановка не обошлась безъ нѣкоторыхъ недосмотровъ. Неужели нельзя

избѣгнуть морщинъ на заднихъ декораціяхъ? Неужели у Черномора не было своей софы и онъ занялъ ее у Наины; неужели и тамъ и здѣсь танцовщицы однѣ и тѣже и въ однѣхъ и тѣхъ же костюмахъ? Неужели въ балетной труппѣ нѣтъ танцовщицы талантливѣе Г-жи Игнатьевой, чтобы проплясать лезгинку какъ слѣдуетъ? Все это мелочи, скажутъ. Но если мелочи, зачѣмъ ихъ не избѣгать?

Если обстановка «Руслана» порядочная, то нельзя того же сказать о другихъ русскихъ операхъ. Войско Олоферна изображается тремя верблюдами, двадцатью солдатами и четырьмя лошадьми. Пируетъ онъ въ такой маленькой палаткѣ, что совѣстно за него. Кстати, о «Юдиѣи». Г. Сарриотти разъ отъ разу становится невыносимѣе; вмѣсто того, чтобы пѣть, онъ начинаетъ кричать; вмѣсто того, чтобы играть – ломаться. Въ сценѣ оргіи онъ ведетъ себя просто неприлично. Носится слухъ, что г. Кондратьевъ хотѣлъ-бы исполнить роль Олоферна. Въ добрый часъ! Авось мы увидимъ и услышимъ порядочнаго Олоферна. Не мѣшало бы также Г-жѣ Леоновой взять партію Авры. Г-жа Латышева конечно

актриса старательная, но голосовыя средства ея ужъ черезъ чуръ слабы и слабѣють все больше. Хоть чередовку завести-бы.

Вотъ все, что мы скажемъ по случаю возобновленія «Руслана». Немного, но наша цѣль была именно взглянуть на дѣло съ чисто внѣшней стороны. Именно съ той, что стоитъ *заняться* дѣломъ и явятся таланты.

Спасибо тому, кто позаботился о русской оперѣ и великая просьба позаботиться о русской драматической труппѣ.

Сентября 7.
Дм. Аверкіевъ.

Примечания

Очень рады, что подтвержденіе своего мнѣнія о рутинѣ à la Снѣткова 3-я нашли въ «Русской Сценѣ», именно по поводу изображенія Липочки Г-жею Нейманъ.

[^^^]

Этотъ эпитетъ приложилъ между прочимъ фельетонистъ и къ комедіи покойнаго М. М. Достоевскаго «Старшая и Меньшая». Мы сами знаемъ, что она не великое произведеніе, да покойный авторъ никогда не считалъ ее серьезнымъ дѣломъ. Надо помнить время ея появленія. Она явилась вмѣстѣ съ комедіями Дружинина, вмѣстѣ съ Провинціалкой. Тонкій анализъ составлялъ тогда задачу подобнаго рода произведеній; то, что покойный Панаевъ называлъ финесами. Эта тонкость проявляется въ характерѣ «Меньшой» (чего не поняла Г-жа Денисова) и Кубышкина, что понялъ г. Шумскій и проявляется вовсе не хуже, чѣмъ напримѣръ у г. Дружинина и другихъ.

[^^^]